

● Наш гость

Станислав ЛЮБШИН:

«АКТЕР НЕ ДОЛЖЕН ЩАДИТЬ СЕБЯ»

Когда Станислав Любшин вошел в небольшую гостиную Челябинского Дома актера, невероятным образом сумевшую вместить в себя огромное количество желающих присутствовать на встрече, я вспомнила слова режиссера Марлена Хуциева, более двадцати лет назад впервые снявшего Любшина в кино: «В нем присутствует внутренний свет. При встрече вас сразу охватывает ощущение светлой человеческой личности. Ему не надо притворяться. Это — его человеческое».

Действительно, обладая редкой одухотворенностью внешнего облика, обаянием, он ни разу не позволил себе воспользоваться ими для большого эффекта. Был сдержан, искренен, внимательно выслушивал вопросы и отвечал на них просто и прямо.

Но прежде, чем познакомить вас с содержанием разговора, несколько слов о биографии актера. Парень с рабочей московской окраины. Детство — война. Линия фронта — в 30 километрах. Когда немцев отбросили от Москвы, создали для мальчишек драмкружок, и на сцене небольшого клуба зажили необыкновенной сказочной жизнью отважные рыцари и прекрасные принцессы, и вместе с ними в трудное военное детство вошло чудо Театра.

Окончив кислородно-сварочный техникум, работал на строительстве бассейна, а в 22 года переступил порог театрального училища имени Щепкина (к слову сказать, по сей день, получив новую роль, Любшин приходит в училище за советом). Работал в театре на Таганке, в «Современнике», театре имени Ермоловой. И, конечно же, снимался в кино. «Мне 20 лет», «Альпийская баллада», «Ксения, любимая жена Федора», «Чит и меч», «Красная площадь» — вот лишь немногие из фильмов с его участием.

Ну, а теперь вернемся в гостиную.

— Первый вопрос к вам не как к актеру, а режиссеру. Как вы пришли к постановочной работе?

— Пришел — это сказано громко. Была попытка, проба, желание проверить, на что способен. Вместе с оператором Германом Лавровым снял киноповесть Василия Макаровича Шукшина «Позови меня в даль светлую». Самому судить о работе неудобно, это дело зрителя. Одно могу сказать, меня волновала человеческая и художническая боль Шукшина, высказанная в этой повести.

— Вам не раз приходилось работать с Шукшиным...

— Впервые увидел его на съемках фильма «Простая история» и решил, что это не актер, а человек, приглашенный со стороны, так не по-актерски он был естественен. Позже, когда мы снимались в фильме «Какое оно, море», у него была в жизни нелегкая полоса, и я учил его жить, я говорил ему: «Так, Вася, нельзя». А потом ночью он мне сунул в окно семь своих рассказов, и, прочтя их, я почувствовал мучительный стыд за свои недавние нравоучения.

В Шукшине жила незаживающая боль по уходящим простым и бесхитростным человеческим взаимоотношениям, по искренности и доброте. И сейчас не могу избавиться от ощущения, что он просто уехал куда-то и долго не возвращается...

— Кто является для вас авторитетом в кинорежиссуре?

— Никита Михалков. Мое глубокое убеждение, что все лучшие актерские работы последних лет сделаны в его фильмах. В этом человеке присутствует редчайший дар бережного обращения с актером, скажу больше, какой-то самозабвенной любви к нему. Это удивительно тонкий и нежный человек, способный глубоко чувствовать чужую боль, радоваться чужой удаче, удивляться и очаровываться. Вот такой восторженный, любящий и вместе с тем властный, умеющий объединять и раскрывать актеров. Михалков никогда не гоняется за внешними эффектами, зато какая в нем способность следить за движением ее поворот зорко отмечать и фиксировать!

— Как вы определяете свою тему в искусстве?

— Об этом я узнаю позднее. Во мне пока нет потребности привести свой труд к некоему общему знаменателю. Актеру необходим постоянный поиск. Я знаю

немало примеров, когда упрямо следуя одной теме, актер теряет свое творческое начало и невольно клиширует человеческие характеры, вместо того, чтобы мучительно и счастливо лепить их из себя всякий раз заново. Тем самым он ведь себя обкрадывает!

— Какое качество, на ваш взгляд, актеру противопоказано совершенно?

— Попытка даже в незначительной мере щадить себя. Актеру полезно все: горе, боль, неудачи — ибо ему необходим свой незаемный опыт. Скажу вам честно, когда в жизни у меня все хорошо, мне нередко плохо работается, и напротив, боль — отличное подспорье для творчества. Помнится, Эдит Пиаф, когда ее спрашивали, как идут дела, отвечала: «Ужасно! Ничего не происходит!» или: «Прекрасно! Все летит в тар-тарары!».

А как вы относитесь к признанию?

— Признание зрителя порой очень помогает. Когда полоса неудач, нет ролей и кажется, что жизнь рушится. И вдруг кто-то скажет: «Знаете, как хорошо вы это сыграли...». Актеру ведь необходимо, чтобы в него верили.

— Сила любой профессии в осознании результатов труда. Помогает ли вам в творчестве мысль о том, что искусство призвано сделать человека более совершенным?

— Мне кажется, нескромно думать: «Вот я помогу кому-то, я спасу человечество». Я думаю: «Надо сыграть этого человека». А мера активности зрителя, его реакция — на исследуемый мною характер выразит меня и как художника, и как гражданина.

— Традиционный вопрос — о предстоящем.

— Анатолий Эфрос ставит во МХАТе «Тартюфа» Мольера, репетирую там. На телевидении скоро состоится премьера фильма по повести Чехова «Три года». Это моя новая режиссерская работа. Чехов — самый дорогой для меня писатель. И, быть может, это прозвучит нескромно, но мне кажется, что я понимаю и чувствую его. Хотел бы поставить его «Скучную историю», сыграть Дядю Ваню. Хотел бы снова поставить Шукшина, на этот раз — его рассказ «Сураз».

— Что становится вам опорой и спасением в самую трудную минуту жизни?

— Труд.

Материал подготовила
И. ЖУКОВСКАЯ.

Фото А. Чуносва.